

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Леонид Сергеев

МОИ ДРУЗЬЯ

Школьная библиотека (Детская литература)

Леонид Сергеев

Мои друзья

Издательство «Детская литература»

2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сергеев Л. А.

Мои друзья / Л. А. Сергеев — Издательство «Детская литература», 2015 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005424-2

Хорошо отправляться в путешествие на байдарке по реке Великой, когда с тобой надежный капитан — любимый пес Дым! А еще приятнее из любого путешествия возвращаться домой, где тебя ждут друзья: пес Миф, кот Паша, ежата Ростик и Остик, бельчонок Рыжик, ворона Кузя и даже крольчиха Машка. Много интересных историй о них собрано в рассказах Леонида Сергеева и повести «Железный Дым». Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005424-2

© Сергеев Л. А., 2015
© Издательство «Детская литература», 2015

Содержание

Сократ для зверей и ребят	7
Зверинец в моей квартире	11
Мой бегемот	12
Гошка	12
Куклы	13
Гном	15
В деревне	16
Любители компота	18
Отважный и преданный	19
В зоопарке	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

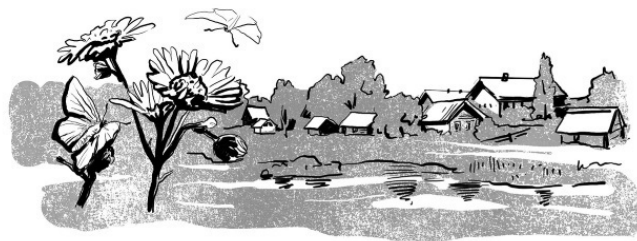
Л. Сергеев.

Леонид Сергеев
Мои друзья. Рассказы и повесть

Вступительная статья
А. ТОРОПЦЕВА

Сократ для зверей и ребят

«Зверушкин Сократ»

С прозой Леонида Сергеева я знаком около двадцати пяти лет. И все эти годы мне не давали покоя немаловажные для любого писателя да и читателя вопросы: «Как удастся этому человеку найти такие тонкие, но крепкие, нервущиеся, и в то же время безболезненные для людей, детей и взрослых, линии сопряжения между человеком разумным, „себе на уме“, и „братьями нашими меньшими“, которые тоже ведь „себе на уме“? Что же делает его героев и понимающими, и знающими (!), и чувствующими великие тайны друг друга?»

Совсем недавно я нашел ответы на эти и другие вопросы в одном, но очень объемном образе – Сократ!

Не пугайтесь, юные читатели и их родители, этого имени! Сократ тем и отличался от других мудрых людей Древней Греции, что он никого не пугал, он говорил с простолюдинами и с крупными мыслителями на равных. Он был непревзойденным гением «диалога равных» в мировой культуре, в мировой педагогике, в мировой литературе.

Беседу на равных вести очень сложно. Еще не повзрослевшие люди на свежем опыте знают, как трудно иной раз понять учителя. А все педагоги прекрасно знают, как это непросто – войти в душу ученика, студента или аспиранта, понять его, познать его интеллектуальные возможности, почувствовать тайны его души и вести с ним разговор на равных с тем, чтобы он сам (!) в себе самом находил свои истины...

Но как же трудно вести «беседу равных» человеку с той же кошкой, например! Скажу честно: у меня такого разговора не получалось ни с кошкой Муркой в детстве, ни с котом Петрушей в молодые годы, ни с кошкой Машкой – сейчас. Я очень хочу превратиться в зверушкиного Сократа – в Леонида Сергеева, да не получается. Не дано!

Великие тайны друг друга

Именно так – тайны друг друга. «Но разве можно знать, чувствовать и понимать тайну? – может спросить меня пытливый читатель. – Если я „раскрыл“ тайну, то она тут же перестает быть тайной!»

Вполне резонное замечание! И здесь мне на помощь приходит величайший из греков, который начинал свои «диалоги равных» с признания: «Я знаю, что ничего не знаю!» И далее он, во-первых, внушал собеседнику, что только он, собеседник, и может помочь ему, Сократу, познать истину. Собеседник, поверив в это, включался в диалог, искал в нем самого себя, свою истину, которую не знал, но очень хотел узнать Сократ.

«Какую же истину искали мальчик и резиновый бегемот Гошка, которого наспех склеил дядя героя из баллонов пятитонки?! – может возмутиться все тот же пыливый читатель. – Это даже не домашнее животное, это всего-навсего игрушка, у которой ни души, ни разума, ни сердца нет и быть не может!»

В том-то и дело, что *может!* Еще мыслители Древней Индии говорили, что у любой песчинки есть душа. А значит, есть и тайны песчинковой души. Можно конечно же им не верить и даже посмеяться над ними, но, вспомните, что только не одушевляли великие писатели: ботинки со шнурками, столы со стульями, диваны, шкафы, посуду и т. д., и т. д. И только в редчайших случаях у них получалось то, что, на мой взгляд, мастерски сделал Леонид Сергеев.

Он действительно смог убедить читателя в том, что его резиновый бегемот – самый что ни на есть живой бегемот, а не игрушка какая-то! Иной раз я ловил себя на мысли: а может, он и в самом деле живой? А ведь – *живой*, с великой тайной своей души!

И вот еще что удивительно в прозе Сергеева: эти души – человека, зверей и даже резинового Гошки – рождают в общении друг с другом, может быть, самые важные истины для всех людей, то есть линии бесконфликтного сосуществования. Причинами почти всех конфликтов являются незнание, непонимание и бесчувствие. Друзьям Сергеева эти причины неизвестны.

«Меньшие» ли «братья»?

Если говорить откровенно, то мне непонятно словосочетание «братья наши меньшие» хотя бы потому, что эти «братья» и все их «сестры» появились на земном шаре раньше людей. Так написано в священных писаниях многих народов мира, так утверждает эволюционная теория Дарвина. Выходит так: «старшие братья», но почему-то «меньшие».

А в книге «Мои друзья» все равные! Хотя далеко не каждому из «больших», но «младших» удается не просто это чувствовать, но этим жить – жить так, как живут друзья Леонида Сергеева.

Нужно ли детям знать об образно-интуитивном мышлении?

Конечно же не нужно. Но русскому писателю помнить об этом необходимо и также необходимо по-сократовски осторожно вводить в свои тексты доступные детям метафоры и искать в мире детей и взрослых тайны из образно-интуитивного пространства, сложнейшего.

Некоторые современные детские, и не только детские, писатели забыли, что в русском менталитете определяющим является образно-интуитивное мышление, что без этого качества мы не проживем, мы не будем россиянами. Они сочиняют разные приключения, которые не будят в нас, читателях, желание думать и искать истины нашей жизни, мироздания в целом.

Леонид Сергеев не играет с читателями в человечков-прагматиков, бегающих по страницам в поисках надуманных приключений. Он идет от жизни, от метафорики жизни. «Я верил, что веселые и добрые карлики живут где-то среди нас, и долго разыскивал их маленькую страну. Облазил чердак, холодный сырой подвал, постройки вокруг дома, сумрачные закутки за сараем; обошел забор, заросший мышинным горохом, осмотрел все кусты с белорозовыми граммофонами вьюна, но гномов нигде не встретил».

Какие у него симпатичные «бело-розовые граммофоны вьюна»!

Что такое «тьма вещей» и как с ней бороться?

Авторы современных сериалов пытаются приучить читателей и писателей к сериальному мышлению, к дотошному писанию. Не дай бог, чтобы это случилось!

Любой читатель очень быстро поймет, что того же «Моего бегемота» можно увеличить в два-три раза. Вспомним, например, тот эпизод, когда семья мальчика собиралась в деревню. Собралась. Мальчик добился того, чтобы в деревню взяли Гошку. Взяли. Далее текст:

«– Я буду его крепко держать, – ответил я и показал, как буду держать Гошку.

В деревне было раздолье...»

Дорога? Здесь нет дороги, которую такой мастер мог бы описать, да еще как! Но Леонид Сергеев – путешественник! – пожертвовал дорогой, потому что он прекрасно понимает, что такое «тьма вещей» в писательской работе и что такое – проза.

Коротко о «Зверинце в моей квартире» и о писательской памяти

Писать по памяти не так уж просто хотя бы потому, что память у всех людей избирательная и частенько она оставляет в закоулках души немало мусора из той же «тьмы вещей». В «Зверинце...» Леонида Сергеева, как и в других частях его книги, практически нет ненужного, неважного, необязательного для той сверхзадачи, которую он решал в каждом рассказе. И может быть, поэтому читается легко, влёт, рассказы выглядят свежими, даже если их перечитывать по два-три раза.

Постоянное состояние удивленности

Удивленность и способность передавать ее и заряжать ею читателя – это ведь тоже качество крупного писателя, особенно рискнувшего творить для детей.

«Поиграю я с Чижудей, послушаю его песенки и говорю: „Ну всё, Чижудя, иди на место, в клетку“. И он моментально летит в свою „квартиру“. Как-то я подсчитал: Чижудя выполнял целых восемь команд! Ко всему прочему, он научился пить воду из крана, ну конечно, при слабой струйке – сильной побаивался. И какие там условные рефлексии?! Он явно понимал, что я говорил, отдавал отчет своим поступкам. Ну не могли же его предки открывать дверцы клеток, или пить из водопроводного крана, или играть с бумажными птицами?! И ладно б все это делала собака или кошка, а то ведь пичужка! И как в такой крохотной головке появлялись столь сложные мысли?!»

Это дар Божий для писателя – постоянно удивляться миром вещей, миром зверей, миром людей – Миром. Удивление на каждой странице книги... Впрочем, он такой не только в своих произведениях, но и в беседах. Леонид Анатольевич любит удивляться, не боится удивляться и не боится писать об этом своем состоянии души.

...Зверинец-то у Леонида Сергеева большой. Хотел написать «был большой», но это неверно: он с ним, он живет там, в своем «зверинце», иначе он не смог бы написать такую удивительно повесть «Железный Дым»!

Три героя повести «Железный Дым»

В произведении нет захватывающего сюжета, навороченных приключений. Но они там есть!

Два друга, человек и пес, решили пройти на одноместной байдарке по реке Великой, отдохнуть, на родную землю посмотреть, подышать вольным воздухом. И вернуться домой. И вспоминать с великой радостью о реке Великой.

А что в этом сюжете самое интересное? Русские люди, их житье-бытье, их душа нарасташку? И это конечно же интересно, потому что написано мастером-наблюдателем.

Но главными и самыми интересными, на мой взгляд, в этой небольшой повести являются Человек, Собака и взаимоотношения между ними, а лучше сказать, дружба между Леонидом Сергеевым и Железным Дымом. В любой сценке они становятся главными ее героями, будто бы подсматривающими друг за другом и оценивающими поведение друг друга, и, каждый по-своему, оценивают они и себя, и друга, и свою дружбу, и подстраивают свое поведение исходя из главного принципа прозы Леонида Сергеева – *чтобы никому не сделать плохо*.

Ненавязчиво и мудро автор проводит мысль о том, что «человек по натуре добр» и «пес по натуре добр». Но и дети, и взрослые знают, что иной раз в обществе добрых людей вдруг рождается зло. С героями Леонида Сергеева такого произойти не может.

И читатель быстро понимает это и соучаствует во всех сценках того интересного похода.

И еще одно качество Леонида Сергеева

Он сам на вид спокоен. И строка у него спокойная, без внешних эффектов и других писательских премудростей, легкая. Но там, внутри строки, всё это наше, «человеческое, слишком человеческое», есть. И есть там «человечкина душа». И «собачкина душа» в ней есть. И «птичкина душа». И даже Тошкина душа.

И это интересно – наблюдать за движениями таких разных, но все-таки живых душ! Интересно и детям, и взрослым.

Александр Торопцев

Зверинец в моей квартире Рассказы

Мой бегемот

Гошка

Мой дядя слыл весельчаком. То и дело рассказывал смешные истории и всем дарил необыкновенные подарки, причем эти подарки делал сам: он был мастер на все руки. Однажды из двух баллонов от пятитонки дядя склеил надувного бегемота. Он получился совсем как живой – огромный, с разинутой улыбающейся пастью и хитроватыми глазами. Он был очень большой, но при желании его можно было надуть еще больше – стоило только открутить пробку на задней ноге.

Когда дядя принес к нам бегемота и поставил на пол, толстяк закачался, закивал, шевельнул ушами и, как мне показалось, даже чуть-чуть шагнул. Бегемот был добряком – это я понял сразу. Его огромный рот все время растягивался в улыбку, а в глазах так и бегали какие-то смешинки. У меня было несколько любимых игрушек: грузовик, слон со скрученным хоботом, цветные лягушки из тряпок, но когда появился бегемот, мне стало не до них. Я ни на минуту не расставался с Гошкой (так я назвал бегемота). Я целовал Гошку в морду, сажал с собой за стол и кормил супом, ходил с ним во двор гулять; по вечерам читал Гошке книжки, а потом ложился с ним спать, выпустив из него немного воздуха, – сильно надутый, он не умещался на моей кровати.

Гошка был весельчак, весь в дядю. С утра до вечера выкидывал разные штучки. Оставишь его где-нибудь на сквозняке, смотришь – он уже убежал в угол комнаты, прикорнул у шкафа и дрыхнет. А то вдруг ни с того ни с сего перевернется и, задрав ноги, начнет кататься на спине. Или прямо на глазах похудеет – явно просит еды.

Кстати, он ужасно любил поесть. Его так и тянуло на кухню. Все думали, Гошка ел понорошку, но я-то знал, что он ел на самом деле. Да еще как! Уплетал за обе щеки. Каждый раз, оставив ему на ночь еду в миске, утром я замечал, что половину он слопал. Бабушка говорила, что к миске подходил кот, а Гошка знай себе ухмыляется и незаметно подмигивает мне.

Как-то наш кот не ночевал дома, но утром миска оказалась пуста. Я сразу крикнул бабушке:

– Во! Что я говорил? Видала, сколько съел?

Бабушка удивилась и с тех пор стала еду от Гошки прятать.

Целыми днями Гошка веселился и только в жару скисал. Тогда я наполнял ванну водой и пускал его поплавать. Плавать Гошка любил больше всего. Особенно на боку. Разляжется на воде и плывет от одного края ванны к другому. Немного поплавает – начнет крутиться на одном месте, радуется, что очутился в родной стихии. Иногда я тоже забирался в ванну, и мы с Гошкой начинали нырять, и кувыркаться, и брызгать друг в друга, а потом я влезал к нему на спину, и мы отдыхали прямо на воде. Гошка держал меня легко, как будто на него влез не я, а воробей. Казалось, он спокойно мог бы удержать еще таких пятерых, как я.

С каждым днем мы с Гошкой все больше привязывались друг к другу. Частенько домашние ворчали, что Гошка занимает слишком много места, что от него постоянно беспорядок в комнате и что его вообще неплохо бы отнести в чулан. Особенно недолюбливала Гошку бабушка.

– Ох уж этот бегемот! – все время кряхтела она. – Растет не по дням, а по часам. В квартире от него сплошной кавардак и совсем не осталось свободного места. Хоть мебель выноси. В зоопарк его надо!

В такие моменты я всегда заступался за своего друга и, чуть что, сразу прятал его под кровать. Когда же за что-нибудь распекали меня, вперед, как грузовик, спешил Гошка. Он надувался и топал от негодования и всем своим видом давал понять, что не даст меня в обиду. За всю нашу дружбу мы только один раз повздорили, да и то по пустяку.

Как-то я залез на него, а он взял и выбил свою пробку и сразу же, охнув, присел, а я шлепнулся на пол. Отчитал я его тогда как следует, и он больше не устраивал глупых шуточек, а если и был чем-нибудь недоволен, то просто стоял и скрипел. Он был такой тихоня, что даже ссорился со мной шепотом.

Однажды бабушка сказала:

– Давай съездим в зоопарк. И Гоше будет интересно. Покажем ему разных животных, познакомим с родственниками.

– Ой, бабуля! – крикнул я. – Здорово ты придумала! Поедем!

Мы жили на окраине города и до зоопарка добирались на трамвае. В вагоне все пассажиры сгрудились около Гошки. Только и слышалось:

– Ого, вот это зверь, я понимаю!

– И где ж вы такого достали? Не в Африке ли?

Бабушка объясняла, что Африка здесь ни при чем, говорила про дядю, про его золотые руки, а мы с Гошкой гордо смотрели в окно.

В тот день в зоопарке народу было мало, и мы спокойно осмотрели обезьянник, львов и площадку молодняка. Потом обогнули озеро с плавающими утками и остановились у вольера с надписью: «Гиппопотам Маша». За изгородью около бассейна стояла огромная бегемотиха. Она медленно водила головой из стороны в сторону – посматривала на редких зрителей сонным, безразличным взглядом. Я пододвинул Гошку поближе к изгороди, но бегемотиха совсем закрыла глаза и стала жевать жвачку.

– Сынка нашей Машке принес? – услышал я за спиной.

Обернулся – около нас стоял усатый мужчина в фартуке.

– Да-да, сынка! – обрадовалась бабушка и улыбнулась.

– Мы просто смотрим, – тихо произнес я.

– А-а! Ну смотрите... А то оставил бы.

– Конечно! – закивала бабушка. – Вместе им будет просто замечательно!

– Ясное дело, – развел руками мужчина. – Я здесь смотрителем работаю. Уж как-нибудь за твоим дружком присмотрю... Кормить его будем три раза в день. Как Машку.

– И не раздумывай! – подтолкнула меня бабушка.

Я подумал, что вообще-то здесь Гошке было бы неплохо. С бегемотихой они подружились бы... Но каково мне было бы без Гошки!

– Нет, – твердо заявил я и повернулся к бабушке: – Пойдем домой.

Куклы

До того как дядя подарил мне Гошку, я играл только с девчонками. У меня было три родные сестры и шесть двоюродных. И жили мы во дворе, где были одни девчонки и, как назло, ни одного мальчишки. С утра до вечера сестры играли в куклы. Кукол у них было много: тряпич-

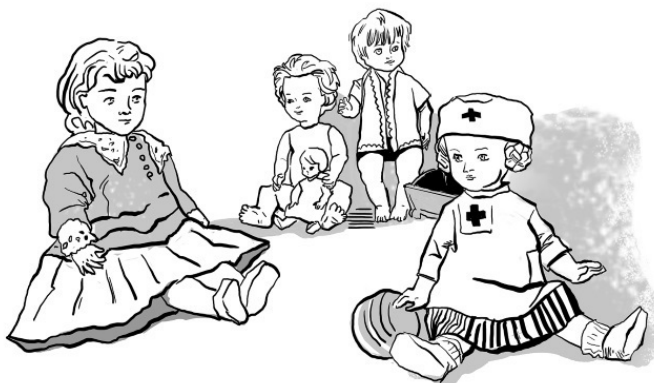
ные – в платьях и кофтах, матрешки – в сарафанах и кружевах и совсем голые – из пластика. Были куклы с бантами, с цветами, с зонтиками. Толстые и тонкие. Большие и маленькие. Были куклы, которые сидели на чайниках, и куклы с огромными глазами – они опускали ресницы и пищали. Вся наша квартира была завалена куклами. Куда ни посмотришь, везде сидели эти уродины. Я засовывал их под диван, прятал в чулане – ничего не помогало. Кукол не уменьшалось. Даже наоборот, их становилось все больше.

Сестры были без ума от своих кукол. Они называли их балеринами и принцессами; всё время одевали и раздевали их, кормили и укладывали спать. Каждый раз, когда я предлагал сестрам поиграть в футбол или посражаться на шпагах, они начинали меня стыдить.

– Ты какой-то глупый! – говорила одна сестра.

– Все твои игры шумные и неинтересные, – морщилась другая.

А третья подсовывала мне куклу и тащила играть в дочки-матери. Я ужасно злился, но ничего не мог поделать. Ведь сестер было много, а я один. Вот и приходилось мне играть с ними в куклы. Вместе с сестрами я вышивал и вязал, готовил обеды для кукол и пел им колыбельные.

Постепенно сестры стали принимать меня за свою подругу. Иногда кто-нибудь из них забывался и говорил мне:

– Ты не так постелила балерине Тане.

– Ты мало качала принцессу Зину.

Я злился до слёз. Но это еще что! Сестры в день моего рождения подарили мне... куклу! Тут уж я взбунтовался и выкинул все их кукольное царство в окно. Но они снова принесли своих любимиц и вдобавок налетели на меня вдевятую и отлупили.

А потом пришел дядя и подарил мне... Гошку. Я думал, что теперь сестры забросят своих кукол и начнут подлизываться ко мне, чтобы я разрешил им поиграть с бегемотом. Но Гошка не произвел на них никакого впечатления. С кислыми лицами они осмотрели моего друга, и одна из сестер фыркнула:

– Он слишком большой и неуклюжий!

– И страшный, – добавила другая сестра.

Гошка обиделся, наклонил голову, и его пасть задрожала от горькой усмешки.

– Ничего вы не понимаете! – сказал я.

Привязал Гошке на шею веревку, и мы отправились гулять во двор.

Но и девчонкам из нашего двора мой Гошка не понравился.

– Прямо и не знаем, во что с ним можно играть, – сказали.

– Как – во что?! – чуть не вскричал я. – Да во что хотите! Бегемот – это вам не куклы какие-то! Это...

Но девчонки уже меня не слушали: они отправились в глубину двора.

Для начала мы с Гошкой занялись акробатикой. Я залез на Гошку и стал прыгать на нем. Он подбрасывал меня все выше и выше.

Потом мы с Гошкой боролись: кто кого – он меня или я его. Хитрец Гошка все пытался навалиться на меня и прижать к земле. Он надувался, пыхтел и сопел, но ему так и не удалось повалить меня. А я Гошку повалил. Дал ему подножку, и он плюхнулся на бок.

Потом мы играли в футбол. Гошка стоял в воротах, а я бил по мячу. Сообразительный Гошка сразу встал боком и заслонил все ворота. Забить ему гол было очень трудно, но я все же забил штук десять.

Теперь целыми днями я играл только с Гошкой.

А вскоре произошло еще одно событие: в наш дом приехали новые жильцы. Они приехали поздно вечером, но я успел заметить мальчишку. Вихрастого мальчишку моего возраста! Правда, я заметил и двух девчонок, по виду сестер мальчишки, – одну высокую, явно школьницу, другую намного младше. Но главное – в той семье был мальчишка! Я долго не мог уснуть. Всё представлял, как буду играть с новым соседом; достал из-под дивана мяч, заточил деревянную шпагу, подкрасил пробочный пистолет.

– Теперь-то начнется новая жизнь! – сказал я Гошке.

И он понимающе закивал, и в его глазах появился озорной блеск.

Наутро мы с Гошкой выбежали во двор, и я стал гонять мяч перед окнами новых жильцов. Вначале из дома вышла высокая девчонка. Она тащила две куклы. За ней появилась ее младшая сестра. С тремя куклами! А потом показался и мальчишка. В руках он... тоже держал куклу.

– Пойдем погоняем мяч, – предложил я. – А он будет вратарем. – Я кивнул на Гошку.

– Не-ет, – протянул мальчишка. – Я лучше пойду играть с сестрами.

Он небрежно оттолкнул Гошку и поплелся за девчонками.

Я уже хотел было огреть шпагой этого слюнтяя, как вдруг его старшая сестра обернулась и, бросив кукол, сказала:

– Я с удовольствием попинаю мяч! Надоели эти куклы! И бегемот у тебя симпатичный. Как его зовут?

С того дня мы играли втроем: Настя, Гошка и я. Настя – девчонка, а отлично играла в футбол, сражалась на шпагах, стреляла из пугача. Гошка в нее прямо влюбился. Только и смотрел в окно, ждал, когда Настя выйдет во двор, и ужасно страдал, если она долго не появлялась.

Гном

По вечерам я читал Гошке книжки. Особенно он любил сказки про гномов. Прижмется ко мне, прикроет глаза и внимательно слушает.

Я верил, что веселые и добрые карлики живут где-то среди нас, и долго разыскивал их маленькую страну. Облазил чердак, холодный сырой подвал, постройки вокруг дома, сумрачные закутки за сараем; обошел забор, заросший мышинным горохом, осмотрел все кусты с белорозовыми граммофонами выюна, но гномов нигде не встретил.

Я уже почти отчаялся их найти, как вдруг обнаружил какие-то странности в нашем доме: по вечерам слышались разные шорохи, скрипы, вздохи... Потом ни с того ни с сего остановились часы, в шкафу просыпалась крупа. Потом сам собой потух самовар, упало полено, исчезло мыло.

– Видал?! – обратился я к Гошке, и тот разинул пасть от удивления.

Каждый день я находил следы веселых шуточек, но самих шутников не видел. И только зимой мне повезло.

Мы с Гошкой катались с горы за нашим домом. Гошка ложился на живот, я залезал на друга, и мы неслись по укатанному склону. Внизу Гошка немного отдыхал, а я рассматривал

разные снежные бугорки и кочки, и подтаявшие корки снега, и заиндеветшие сухие травы. На бугорках: то тут, то там виднелись какие-то рисунки: маленькие полукружки и лесенки. Я нагибался и рассматривал эти загадочные картинки, но понять их никак не мог. Иногда осторожно, чтобы не сбить иней, я пробирался сквозь торчащие из-под снега травы. И эти травы мне уже казались не травами, а деревьями в лилипутском лесу. Я различал их тонкие, как карандаши, стволы и корявые ветви, покрытые рыхлыми снежными шапками. Кое-где меж этих деревьев, как стеклянные змейки, тянулись застывшие подтеки. Они напоминали наши водопады, но были совсем маленькие.

Я ходил у подножия склона, между возвышениями, впадинами, деревьями и водопадами, и все представлял, как здесь играют гномы.

«Только где они сейчас? – думал. – Может, от меня спрятались?»

Мы с Гошкой снова взбирались на гору, я прятался за сугроб и украдкой посматривал вниз. Но гномы не появлялись. Целый день мы провели на горе, но все было бесполезно. Когда начало темнеть и ветер погнал вихри, я решил прокатиться на Гошке последний раз – и внезапно увидел его, маленького человечка в красном колпачке. Я заметил его в тот момент, когда мы мчались с горы. Он был ростом с ладонь и ехал прямо перед нами на крохотных лыжах; то и дело оборачивался, со страхом смотрел на нас и изо всех сил семенил вниз, отчаянно отталкиваясь малюсенькими палками. И все-таки мы догнали его. Какое-то мгновение даже скользили рядом. Я отчетливо видел его бородку и полные страха глаза, но Гошка не смог притормозить, и мы пронеслись мимо.

Съехав с горы, я слез с Гошки, обернулся и стал поджидать гнома, но он не появился. Я подумал, что он где-то упал, и заспешил наверх, но и на склоне его не оказалось.

Я бегал по горе до тех пор, пока у меня не закружилась голова. Только тогда взял Гошку за поводок, и мы побрели домой. По дороге я отругал Гошку за нерасторопность, за то, что он не смог затормозить. В такой момент! Ведь не каждый день мы видим гномов! Но Гошка был невозмутим, он как бы говорил: «Подумаешь – гном! Ничего удивительного! На свете и не то бывает!»

Войдя в дом, я крикнул:

– Мам! Я видел гнома!

– Где же ты был так долго? – отозвалась мать. – И Гошку своего заморозил. Ведь бегемоты любят тепло... Но что это с тобой? Ты весь красный! – Она тревожно приложила руку к моему лбу. – Да у тебя температура!

Мать стряхнула с моей куртки снежную пыль, развязала шарф, сняла валенки, и на пол шлепнулись слежавшиеся лепешки снега, как вафли. Я смотрел на них и думал о гноме.

В деревне

Однажды летом отец сказал:

– Завтра поедем в деревню.

– А Гошку возьмем? – поспешил выяснить я.

– Нет. Мы едем не одни, в грузовике и так мало места. Не знаю, куда вещи погрузить. Впрочем, ладно, сдувай его и сворачивай.

– Как это – сдувай и сворачивай?! – возмутился я. – Он же живой!..

– Пусть тогда бежит за машиной, – неудачно пошутил отец, но тут же примирительно добавил: – Ну хорошо, хорошо, закинем его в кузов, только надо будет привязать веревкой, чтобы не свалился.

– Я буду его крепко держать, – ответил я и показал, как буду держать Гошку.

В деревне было раздолье. С утра мы с Гошкой бегали по лугу за домом, причем Гошка сразу придумал скользить за мной на веревке, как за буксиром. Выставит вперед свои толстые ноги и скользит по траве, приминая головки цветов.

Днем мы гуляли по деревне, и Гошка пугал разную живность. Завидев его, кошки вспрыгивали на деревья, а куры и утки бросались врассыпную. Гошка казался им каким-то ископаемым чудищем. Даже собаки побаивались моего друга. Спрячутся за заборы и облаивают нас. Некоторые, самые смелые, подкрадывались сзади, принохивались, пытались цапнуть Гошку за ногу. Но Гошка развернется, затопчется на месте, забурчит – и собаки бегут наутек. Еще бы! Ведь Гошка был толще самых толстых свиней и ростом с теленка!

Только козел не боялся Гошку. Он пасся посреди деревни; огромный, лохматый, медленно вышагивал среди коз и жевал траву. Он долго угрожающе смотрел на Гошку, а потом безо всякого повода, точно сумасшедший, подбежал и ударил моего друга рогами в живот. Бедняга Гошка застонал и упал; из него со свистом стал выходить воздух. Пришлось мне срочно бежать домой лечить Гошку – ставить ему заплатку.

Когда Гошка выздоровел, мы обходили козла стороной.

Гошка понравился всем жителям деревни. Случалось, идем по улице, а навстречу нам косцы.

– Отличная у тебя охрана! Лучше всякой овчарки! – скажет кто-нибудь.

– Его бы стадо научить пасти! Или в огород поставить – вмиг всех ворон распугает!

А ребята нам просто прохода не давали. Они то и дело гладили, обнимали Гошку, пытались залезть за него, но я не разрешал.

– Он еще не совсем здоров, – говорил и показывал на Гошкину рану. – И вообще, он же не лошадь! С какой стати он должен вас катать?

Больше других за нами ходил Вовка, остроносый мальчишка в драной рубашке. Вовка не отходил от нас ни на шаг. Он хотел знать все: сколько весит Гошка, что ест, как плавает? Он меня просто замучил своими вопросами. Вовка явно хотел с нами подружиться и сразу показал самые интересные места: ручей с запрудой, куст орешника, из веток которого получались отличные дудки, старую кузницу, где обитал еж, болотце с пучеглазыми жабами.

Чтобы Вовка особенно не хвастался и не зазнавался, я рассказал ему, как мы с Гошкой видели гнома.

Любители компота

В деревне мать часто варила компоты – густые, сладкие. Я очень любил эти компоты. Часто даже обедать начинал с них. Выпью три стакана, немного поковыряю второе, а до первого так и не дотронусь. Компоты я мог пить в любое время дня. Даже если только пообедал, спросят: «Хочешь компота?» – никогда не отказывался. Да что там днем! Ночью разбудят – все равно пил!

Как-то я простудился. Все лекарства перепробовал, ничего не помогло, выпил горячего компота – все как рукой сняло. И кстати, Гошка тоже очень любил компоты. Только холодные. На горячие всегда подолгу дул – боялся обжечься.

А вот Вовка компоты не любил и никогда не пил их. Даже компоты моей матери не производили на него никакого впечатления. Много раз он заходил к нам, и мать угощала его компотом, но он всегда отказывался. Такой был чудак!

Обычно днем мы с Вовкой играли у ручья около запруды. Плавали на Гошке, строили водяную мельницу, рыли каналы, наводили мосты. Недалеко от нас всегда играла Свечка – темноволосая худая девчонка. Она делала из глины пироги, калачи и лепешки. Варила кашу из клевера и суп из лебеды, разноцветный, как мармелад. Этими кушаньями Свечка кормила своих кукол и плюшевого кота Сёму.

Иногда Свечка подходила к нам и просила «обмолоть» на мельнице ее «муку» – песок, смешанный с мелким ракушечником. Или просила разрешения походить Сёме по нашему мосту.

Однажды Свечка полоскала кукольное белье в запруде. Рядом стоял Сёма и стеклянными глазами смотрел на воду.

– Эх, Сёма, компотику бы сейчас! – сказал я и щелкнул кота по носу.

Свечка тут же бросила белье, подбежала к Сёме и зашептала ему в ухо:

– Скажи мальчикам, что я сейчас сварю компот. – И побежала к своей кухне.

Вскоре она вернулась и протянула мне бутылку с водой, в которой плавали головки цветов.

– Вот, пейте! – сказала и улыбнулась.

Я схватился за живот и захохотал:

– Вот дурочка! Пейте! Ты что?! Нас на тот свет отправить хочешь?! Пусть эту дрянь твой Сёма пьет! – сказал я и наподдал ее коту. – Это даже мой Гошка пить не будет. Он ест только настоящее.

Я посмотрел на своего друга, и Гошка кивнул, поморщился и фыркнул.

Свечка схватила Сёму, прижала к себе и, закусив губу, отвернулась. Тут подошел Вовка, взял Свечкину бутылку и вдруг выпил компот со всеми цветами. Целую бутылку с настоящими цветами! Выпил одним махом, не отрываясь. Я думал, он умрет. А он выпил и потянулся.

– Очень вкусный компот, – сказал. – Никогда таких не пил!

Свечка повернулась и заулыбалась снова. А потом засмеялась и отбежала от нас. И Гошка понесся за ней – видно, тоже захотел попробовать цветочного компота.

С того дня Свечка каждый день приносила Вовке компоты. Она выбирала ему самые лучшие цветы, подолгу растирала их в ладонях, крошила в бутылку с водой и взбалтывала. И Вовка всегда пил ее компоты. И еще закатывал глаза, гладил себя по животу и кричал от удовольствия. И Гошка пил эти компоты, и тоже с неменьшим удовольствием. Свечка смеялась и прыгала от радости, а я немного жалел, что тогда отказался от ее компота.

Отважный и преданный

Однажды мы с Вовкой у ручья лепили дворец из глины. Рядом стоял Гошка и как бы давал нам советы. Одобрительно кивал, если мы делали правильно, и, наоборот, мотал головой, если мы что-нибудь делали не так.

Невдалеке, у запруды, как обычно, играла Свечка.

Внезапно мы услышали всплеск и крик:

– Помогите! Тону!

Как Свечка упала в воду, ни Вовка, ни я не заметили. Мы только увидели, что она отчаянно барахтается в воде и рядом плавает ее кот Сёма.

– Я не умею плавать... – пробормотал я.

– И я не умею! – с дрожью в голосе откликнулся Вовка.

Я бросился искать палку, чтобы протянуть ее Свечке, но вдруг услышал гулкий плеск и увидел, что к Свечке на всех парах мчится Гошка. То ли его Вовка спихнул, то ли он сам прыгнул. Гошка быстро подплыл к Свечке, и она ухватилась за его шею. Когда они пристали к берегу, мы помогли им выбраться из воды. Свечка начала чихать и плакать и целовать Гошку, благодарить его. А нам крикнула:

– Что ж вы Сёму не спасаете?! Он же утонет!

Я нашел палку, подогнал кота к берегу, и Вовка выудил его за хвост.

...За деревней стоял огромный узловатый дуб. Его раскидистая крона закрывала целую поляну. Даже в самые жаркие дни на поляне было прохладно.

Как-то Вовка, Гошка и я сидели под дубом и смотрели на дальнее шоссе, где проносились разные грузовики и легковушки.

– Эх, набрать бы желудей – были бы отличные солдаты в нашем дворце! – вдруг сказал Вовка и показал на ветви над нами. Там висели светло-зеленые плоды с чашками-шлемами.

– Давай собьем их, – предложил я.

Мы начали кидать камни в желуди, но они, еще незрелые, крепко держались на ветвях – ни один не упал. Эти упрямые желуди не на шутку раззадорили нас.

– Подсади-ка меня, – сказал я Вовке.

Сбросив ботинки, я засучил брюки, и Вовка помог мне долезть до нижнего сука. Потом я уцепился за толстую ветвь и по ней полез выше. Шершавая кора обдирала руки и ноги, но я продолжал карабкаться. Я забрался так высоко, что почувствовал, как ветер раскачивает дерево. Прямо надо мной проплывали облака, но казалось, что они стоят на месте, а по небу плывет дерево и я вместе с ним.

Гроздь желудей были совсем рядом, но я все равно не мог до них дотянуться.

– Нужна палка! – крикнул я Вовке и посмотрел вниз.

И только в этот момент понял, что залез слишком высоко. И Вовка и Гошка выглядели совсем маленькими. У меня закружилась голова. Я хотел спуститься, но ноги не дотянулись до нижней ветки. Обхватив свою ветвь, я висел в пустоте.

– Зови на помощь! Я не могу слезть! – в страхе закричал я.

– Прыгай! – откуда-то издали донесся Вовкин голос.

Я еще раз посмотрел вниз и увидел, что Вовка подталкивает Гошку под то место, где я повис. Мои руки ослабели, и я полетел к земле. Я упал на Гошку, как в мягкую перину. Даже ни капли не ушибся.

...А потом Гошка и Вовку спас.

Тот козел, который боднул Гошку, совсем спятил – начал гоняться по деревне за ребятами. Одни говорили, что ребята его дразнили, другие – что он просто объелся перебродившей вишни. Вовка козла не дразнил. Он спокойно шел ко мне: мы договорились идти к ручью.

Вовка уже подошел к нашей изгороди, как вдруг я увидел, что к нему во всю прыть несется козел. Я не успел и рта раскрыть, как в калитку протиснулся Гошка и встал между Вовкой и своим обидчиком. У Гошки был очень грозный вид. Видимо, он решил проучить козла раз и навсегда. И козел это понял – остановился точно вкопанный. Потом как-то извинительно заблеял, брыкнулся и убежал.

В зоопарке

Осенью я пошел в школу.

Мать уложила в портфель школьные принадлежности и сказала:

– Ну вот, теперь ты стал взрослым. Теперь ты должен хорошо учиться, а Гошку давай уберем в чулан.

– Нет! – заявил я. – Гошка будет учиться со мной. Я приду из школы, и мы будем вместе решать задачки.

Мать только вздохнула.

Вначале в школе я сильно скучал по Гошке и после занятий сразу же мчал домой; выгуливал друга и рассказывал ему, что было на уроках. Гошка слушал рассеянно, зевал от скуки. Почему-то мои занятия его совсем не интересовали. И решать задачки он не хотел. Он как бы говорил: «Зачем мне учиться? Я и так умный!»

Позднее в школе у меня появились новые друзья и новые увлечения: я стал собирать марки и оловянных солдатиков. Марками обменивался с одноклассниками, а солдатиков делил на две армии и устраивал сражения. С Гошкой играл все реже, но он не обижался: откуда-нибудь из угла следил за моими баталиями или дремал, прислонившись к шкафу.

Так прошел весь учебный год. На лето меня отправили в лагерь, а когда я вернулся, Гошку дома не застал.

– Я отвела его в зоопарк, – пояснила бабушка. – Там ему с бегемотихой просто замечательно. Помнишь бегемотиху Машку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.